

Память и язык

О.Г. Ревзина
МОСКВА

Горизонты памяти

Память – это то, без чего не могут существовать ни человек, ни человеческие сообщества. В повседневной жизни человек должен помнить о плане сегодняшнего дня, о своих встречах и обязанностях, либо обратиться к специальной памятной книжке. Автобиографическая память, фиксирующая основные вехи жизненного пути человека, его судьба – это основа его идентичности. Потеря памяти – амнезия – есть потеря человеком самого себя, представляющая серьезную угрозу и для его физического существования. Память-привычка лежит в основе простых человеческих умений (приготовление еды, уход за домом и т.д.), обеспечивающих человеческую жизнедеятельность. Память лежит в основе обучения, приобретения знания, и специальные мнемонические приемы (*ars memoriae*) выработаны для успешного запоминания. Ю.М. Лотман определил культуру как «ненаследственную память коллектива», передав в этой отточенной формуле значение памяти для существования культуры. Память – это фундамент истории, о чем так замечательно сказал Поль Рикер: «Под историей – память и забвение. Под памятью и забвением – жизнь». Человек и общество запечатлевают свою историю в памятниках, в памятных местах, в тщательно разработанных, существующих с древнейших времен и новых ритуалах. Но П. Рикер неслучайно поставил в ряд с памятью забвение и искусство забывать – *ars oblivionis*. Для каждого человека, для юридических законов (амнистия), для общества в целом исключительное значение имеет то, что следует помнить и что следует забыть. Манипуляция общественной памятью – один из способов политического воздействия. Таким образом, память оказывается тесно связанной с моральным словарем – с концептами долга, вины, справедливости, скорби, прощения. Наконец, сам человеческий язык – это хранилище знаний о мире, которые человек удерживает в памяти и которые формируют его картину мира. В значениях слов и выражений, в языковых метафорах зафиксированы представления о том, что такое

Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 10-24.

память и какие процессы с ней связаны. Так складываются «народные» теории памяти и забвения, если воспользоваться выражением американского исследователя Дж. Лакоффа. «Народные теории» принадлежат разным языкам и разным языковым сообществам, но в них выделяются универсалии, которые можно назвать человеческими универсалиями памяти.

Феномен памяти – притягательный объект мифологии, науки, искусства. Греческая мифология подарила западной культуре два источника и две песонификации памяти и забвения – Мнемозину и Лету. Не менее впечатляющей является фигура Тиресия – «этот двуполоый слепец был выбран богами, чтобы вечно нести в себе неугасающую память»¹. Неоценимый вклад в осмысление памяти внесла философия. Именно в философском дискурсе о памяти, начиная с античности (Платон и Аристотель), были сформулированы основополагающие представления о памяти, о воспоминании, о забывании, актуальные и по сегодняшний день. С конца XIX века начинается экспериментальное исследование памяти в психологии. Настоящий прорыв в изучении памяти наступает с развитием в психологии когнитивного подхода. Когнитивистика, поставив в центр внимания проблему знания и информационные процессы, объединила разные науки – философию и психологию, лингвистику и культурологию, нейронауки и изучение искусственного интеллекта². Это междисциплинарное поле оказалось исключительно плодотворным для изучения памяти. Сходные различия концептуального поля памяти представлены в разных научных дисциплинах. Не менее существенно, что постижение «мира памяти» оказывается неотделимым от «памяти в мире» – определения ее фактического значения для языка, для культуры, для истории, для самого существования человечества. П. Рикер, поставивший в центр исторического дискурса проблему взаимоотношения между памятью и историей, подчеркивает применительно к «памяти о мире», ее ценностный, аксиологический аспект: «...событие, называемое Освенцимом. – событие на пределе. Таково оно в индивидуальной и коллективной памяти – прежде чем оно станет таковым в дискурсе историка. Отсюда поднимается свидетельство – протест, которое ставит историка-гражданина в ситуацию ответственности по отношению к прошлому»³.

Память, язык и дискурс

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на двух проблемах, встающих при совместном рассмотрении памяти и языка. Первая из них относится к тому общему, что соединяет язык и память, язык и дискурс. Вторая проблема может быть сформулирована так: память в зеркале языка. Суть первой из них можно кратко изложить следующим образом.

¹ Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. С. 8.

² Вклад данных дисциплин в становление когнитивистики детально рассматривается в кн.: The Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Ed. by R. A. Wilson and F. C. Keil, 1999.

³ Рикер П. Память, История, Забвение. М., 2004. С. 365.

Память и язык представляют собой две врожденных когнитивных способности человека. Реализация этих способностей обращает нас к тому, как они устроены. Их очень многое разнит, но они объединены принципом семиозиса и способом организации знания. В когнитивной психологии память определяется следующим образом: «Память – это способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении»⁴. Более лаконичное определение таково: «The term memory implies the capacity to encode, store, and retrieve information»⁵. Память, таким образом, – это информационное устройство, использующее знаки. В памяти представлены семиотические механизмы. В самом деле, имеется означаемое (референт) – событие, вещь, человек и т.д., и есть означающее, которое «замещает» референта в памяти. «Знаки памяти» – это, во-первых, иконические знаки, в которых между означаемым и означающим представлено отношение сходства. Таково воспоминание – *образ*. Далее это знаки индексальные, у которых, связь между означающим и означаемым строится по принципу смежности. Такое отношение можно видеть в *следах* памяти, в которых часть (испытанное ощущение, эмоция, предметная деталь) предстает в сознании как знак целого. Наконец, память имеет дело с символическими знаками, когда отношение между означающим и означаемым основано на конвенции, – например, *зарубки* или *узелки* на память. Знаковость – то, что составляет общую характеристику памяти и языка. В отличие от памяти язык, представляющий собой наиболее разработанную знаковую систему, предназначенную для операций со знанием, состоит по преимуществу из символических знаков, но в нем также представлены и принцип иконичности, и принцип индексальности. Одновременно именно в языке находят воплощение когнитивные модели, в соответствии с которыми человеческий разум организует и структурирует информацию. Эти модели наличествуют в семантической памяти⁶, так что язык предстает по отношению к памяти в качестве своеобразного донора. Если же обратиться к дискурсу, то соотношение меняется – роль донора берет на себя память. Показательно в этой связи различение двух стратегий, относящихся к речепроизводству: операционной и мнемонической: «...сущность операционной стратегии состоит в том, что требуемый языковой материал не существует непосредственно в готовом виде; чтобы пустить его в дело, нам нужно сначала его построить, совершив определенные операции по определенным правилам; каждый раз, при каждом новом употреблении, приходится делать это заново»⁷. Эта стратегия естественна, когда речь идет об обучении языку, об освоении

⁴ Когнитивная психология. М., 2002. С. 79.

⁵ The Encyclopedia of the Cognitive Sciences. P. 515.

⁶ Таковы модель семантических признаков, кластерная, групповая, пропозициональная модели семантической памяти (См.: Robert L. Solso. Cognitive Psychology. Second edition. Allyn and Bacon, Inc, 1988. Ссылки на данную монографию даются по русскому изданию: Солсо Р.Л. Когнитивная психология. Пер. с англ. М., 1996. Гл. 7).

⁷ Гаспаров Б. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 59.

его правил и норм. Но если «видеть в языке длящуюся длительность, которая развертывается на протяжении всего существования говорящего»⁸, операционная стратегия оказывается неадекватной и непригодной. Здесь вступает в действие репродуктивная, или мнемоническая стратегия, основанная «на непосредственном запоминании и воспроизведении». Собственно говоря, именно это имел в виду М.М. Бахтин, когда он писал о том, что «родной язык – его словарный состав и грамматический строй – мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые сами воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми»¹⁰. Запоминание как результат многократного употребления – это основа участия говорящего в дискурсе, а для самого дискурса функционирование в нем устойчивых коммуникативных фрагментов – основа интертекстуальности. Причем это относится как к собственно языковым интертекстам (тем, которые систематически воспроизводятся в повседневной речи, а также в речи научной публицистической, официально-деловой и др.), но и к литературным и внелитературным цитатам – интертекстам. В дискурсе с интертекстами происходят различные трансформации – лексические, грамматические, словообразовательные, синтаксические преобразования. Так возникает проблема распознавания и техника следа, то есть типичный мнемический процесс и типичный «знак памяти». И *vice versa* «вселенная дискурса» высвечивает еще один аспект, относящийся к знаниям в памяти. Интертексты имеют семантику прошлого, которые продвигаются во времени, тем самым подтверждая свою стабильность, но одновременно они ассимилируются к настоящему и видоизменяются в соответствии с ним. Но не то же ли самое происходит с человеческими воспоминаниями? Когда обращаются к описанию мнемических процессов, предлагают примерно следующую картину. В мозгу человека в результате запоминания, которое может быть намеренным или неконтролируемым, остается некий отпечаток – след воспринятого, имеющий разную степень подобия с «оригиналом». Далее следуют мнемические процессы: присутствие воспоминания в сознании (воспоминание, *chose vîsee*), произвольно пришедшее воспоминание (воскрешение в памяти, *evocation*), активное воспоминание – припоминание, включающее узнавание (*rememoration*, *recollection*, *recollecting reminder*, *vîsee*, *gappel*, *remînescence*). И по отношению к припоминанию встает вопрос о том, что вспоминают – оригинал или копию, впечатление, изображение, оставшееся в памяти (используя термины семиотики – референт или памятный знак – *semeïon*, репрезентация референта)? К этому прибавляется то, что субъект воспоминания постоянно движется во времени, дистанцируясь от времени вспоминаемого. Воспоминание, таким образом, неизбежно модифицируется во временном интервале, когда оно все еще принадлежит настоящему (непосредственное воспоминание) и когда оно уже становится вторичным воспоминанием – репродукцией, близкой к воображению. «Главное здесь то, что воспроизведенный временной объект, если можно так сказать, не основывается более

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Там же. С. 57.

¹⁰ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 257.

на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы»¹¹. Между бытием дискурса и бытием памяти во времени прослеживается, как представляется, несомненная аналогия.

Есть еще один аспект, который необходимо назвать, говоря о соотношении памяти для дискурса. Это прагматика памяти для человека, то есть фактическое обращение к знаниям, хранящимся в памяти, к мнемическим процессам. Сцепляясь с ментальными процессами, память участвует в построении аналогий и сопоставлений, в вынесении оценок, в выработке оперативных тактик и дальнедействующих стратегий. Разновидности дискурсов дифференцированы в этом отношении. Общеобразовательное и профессиональное знание составляет содержание профессионального обучения и в педагогическом дискурсе охватывается речевыми актами совета, просьбы, требования, поддержки, вопроса (запроса информации) в которых используются базовые глаголы памяти (*Запомните правило; вспомните, как определял знак Сосюр, и Вам будет легче ответить на вопрос. Не припоминаете?; Вы, конечно, помните, сколько маршалов было у Наполеона. А как их звали?*). Административно-канцелярский дискурс, СМИ, реклама, вербализующие организацию социальной жизни, систематически используют глаголы «напоминать», «забыть» с отрицанием, «запомнить» (*Напоминаем Вам, что срок Вашей страховки (подачи тезисов) истекает 10 сентября; Не забудьте подписаться на нашу газету на следующее полугодие; Запомните номер нашего телефона*). Совершенно особое значение имеют мнемические смыслы в той разновидности юридического дискурса, которая связана с показаниями свидетелей, обвиняемых, потерпевших, процедуры суда (*Постарайтесь вспомнить как можно точнее, в какое время Вы вышли из дома; Не припомните, кто еще был с Вами в тот вечер; Напоминаю Вам, что Вы имеете право не давать показаний без адвоката*). В повседневном дискурсе поддержание в памяти актуальной информации составляет существенную часть ежедневного общения (*Ключи не забыл?; Не забудь поесть, когда вернешься; Ты помнишь, во сколько мы встречаемся? Напомни мне, чтобы я позвонила в поликлинику*). В межличностном общении, в автокоммуникации прагматика памяти раскрывается особенно полно. Глаголы памяти формируют косвенные речевые акты со значением мольбы, просьбы, обещания, упрека, угрозы, совета и др. Художественные тексты демонстрируют нам, как общий фонд знаний, имеющийся у собеседников, может быть использован для установления эмоционально теплой либо неприязненной атмосферы, для поддержания или восстановления утраченного контакта либо, напротив, полного разрыва, в целях провокации и разоблачения либо утешения и умиротворения. Человек может сознательно вызывать в памяти события и образы, окрашенные позитивно, и это будет способствовать укреплению его веры и жизнелюбия или, напротив, становиться источником отчаяния; или он может глушить собственные воспоминания, более или менее безуспешно стараться вытравить из памяти то, что причиняет психологический дискомфорт (*Я все помню, Я все забыл, Я не могу и не хочу ничего забывать; Я хочу и не могу забыть; Я хотел забыть, и я забыл*). Память, таким образом, прагмати-

¹¹ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 61.

чески значима для жизнедеятельности и для жизнестроительства личности, она влияет на его картину мира и на доминанту в его мировоззрении. Само представление о памяти, будучи вербализованным, свидетельствует о человеке. Об этом, кстати, свидетельствуют многочисленные стихотворения и стихотворные строки о памяти, о воспоминании – в русской поэзии совсем различная память и разная оценка памяти, скажем, у Н. Гумилева и у А. Ахматовой, у М. Цветаевой и у З. Гиппиус. Но не только поэты пытаются передать в стихах свое представление о памяти:

*Память: математика путей,
Алгебра смещений и скрещений,
Память – сердце, память – мавзолей,
Мицение и, может быть, прощенье (И.И. Ревзин).*

Память в зеркале языка

Выше уже говорилось о вкладе в изучение памяти философии и психологии. Каждая из этих наук предлагает свои различия и свой объем знаний о памяти. Здесь есть область пересечения (хотя философский дискурс с трудом переводится на уровень экспериментов) и собственные проблемы. В свою очередь, язык предлагает собственное видение, частично пересекающееся со знанием двух дисциплин, но и существенно отличающееся от него. В качестве примера можно привести разграничение небольшой по объему кратковременной памяти, участвующей в «первичной обработке стимулов, поступающих из окружения», и «обширным хранилищем информации и знаний, называемых долговременной памятью»¹². Подобная дифференциация имеет место и в языке (ср. в русском языке *короткая* и *долгая* память), но со своей семантической нюансировкой, включающей обычно оценочные смыслы. Сходным образом признак намеренность-ненамеренность в запоминании и припоминании отчасти – но вот именно отчасти! – отражается в использовании личной либо безличной конструкции (*я запомнил – мне запомнилось, я вспомнил – мне вспомнилось*). Для выявления представлений о памяти и забвении в языке важно также обращение не только к норме, но и к тем разнообразным отступлениям от нормы, которые обнаруживаются в художественном – и прежде всего в поэтическом дискурсе, который вскрывает не востребуемые в других дискурсах потенции языковой системы. Наконец, следует иметь в виду, что поле памяти в языке – это нечто гораздо более широкое, чем только память и мнемические процессы. Мы выделяем *памятные* места, *памятные* даты и *памятные* события; мы окружаем себя предметами, в которых материализуется наша связь с прошлым (*Это кольцо мне дорого как память*) и превращаем прошлое и самих себя в материализованную память – разнообразные *памятные* знаки – сувениры и посвящения (*На память о нашей встрече, В память о нашей дружбе, В память о совместной работе*), мы пребываем в уверенности, что мы живы, пока нас *помнят* и обещаем умершим, которым ставим *памятники*, что они *надолго, навсегда* или *навечно останутся в нашей памяти*. Иначе говоря, память

¹² Солсо Р.Л. Когнитивная психология. С. 61.

в такой же степени составляет часть нашей жизни, в какой наша жизнь составляет содержание памяти. И язык метит самим словом «память», производными от него, многочисленными идиомами и интертекстами совокупность всего, что в языковом сознании воспринимается как проявление памяти либо имеющее отношение к ней.

Прежде чем перейти к языковой концептуализации мнемических процессов, нужно еще раз напомнить их максимально расчлененную конфигурацию. Лучше всего это сделать с помощью геометрической фигуры перевернутого конуса, как это сделал в свое время Анри Бергсон в «Материи и памяти» (1896). Своей вершиной конус обращен к настоящему, в котором пребывает субъект как субъект ощущений, восприятий и мышления. В этом настоящем совершается несколько информационных процессов, относящихся к памяти. Один из них – это так называемая мгновенная (*immediate*) память, – срок удержания информации здесь крайне недолог и не предназначен для дальнейшего удержания. Следом идет память кратковременная, которая, как можно это предположить, подвергается дальнейшей фильтрации: это оперативная информация, значение которой оказывается исчерпанным через небольшой промежуток времени, и это то, что уходит дальше в долговременную память. И вот все это относится к первому из мнемических процессов – запоминанию. Здесь, конечно, замечательна роль настоящего, которое каждую секунду становится прошедшим. Память как будто устанавливает на него свой взгляд и выделяет то, чему предстоит стать следом. Воспоминание, таким образом, рождается в настоящем, в момент впечатления, и отсюда же идет начало забывания. И вот от этой связи конца конуса с настоящим проистекает материальность следа: «...материальный след весь целиком пребывает в настоящем и для того чтобы обозначить, что он есть образ прошлого, его необходимо наделить семиотическим измерением»¹³. Так возникают мнемические следы – семиотические знаки памяти.

К запоминанию относят и то, что не связано с настоящим, – это способ обучения, усвоения определенной суммы знаний и умений, это разнообразные мнемотехники, относящиеся к *ars memoria*, своеобразный «вызов» забыванию. Часть этих знаний постоянно находится в эксплуатации (отсюда память – привычка), другая часть при воспроизводстве не претерпевает каких-либо изменений, систематически подключаясь к тому настоящему, в котором находится субъект памяти. Можно ли назвать семиотическим процесс воспроизведения через повторения, например, когда ученик повторяет на уроке выученное наизусть стихотворение? Здесь, можно сказать, означаемое становится знаком самого себя, но все же есть один момент, который позволяет говорить о некоей семантической надбавке – о невхождении объекта воспроизведения в актуальное настоящее субъекта.

Таким образом, мы видим, что уже первый мнемический процесс – запоминание включает в себя много разных процессов. Естественно, что о каждом из них мы можем сказать по отдельности, но концептуализирует ли их как разные сам язык? В принципе стратегия языка такова: в общем наименовании зафиксировать знание о том общем, что соединяет по многим параметрам не

¹³ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 598.

совпадающие процессы, производя дальнейшую дифференциацию на уровне проявления грамматических категорий (числа, времени, вида), сочетаемости, возможной словарной и контекстуальной синонимии, формирования собственных лексических подполей, обеспечивающих порождение высказываний с «мнемонаименованиями».

Вернувшись к фигуре перевернутого конуса, можно гипотетически проследить то, что происходит с информацией, владельцем которой становится субъект в результате запоминания. Ясно, что она удаляется от того настоящего, в котором теперь находится субъект. При этом информация, составляющая память-привычку, постоянно возвращается, претворяясь в действие. Что же касается остального, то кажется убедительным разграничение «чистого» воспоминания и образа-воспоминания. «Чистое» воспоминание до поры до времени не дает о себе знать, оно виртуально, бессознательно, ему свойственно «существование, сходное с тем, какое мы приписываем внешним предметам, когда не воспринимаем их»¹⁴. И, собственно, узнать о существовании воспоминания можно только каким-то образом вернуть их в настоящее. Это и осуществляется с помощью припоминания – воскрешения в памяти, узнавания, когда присутствующий в сознании образ совмещается, допустим, с лицом человека, который кажется незнакомым, и происходит его опознание. Самое интересное, что здесь воспоминание как бы инвертируется: мы можем считать, что на этот раз уже сам объект узнавания становится означаемым по отношению к означаемому – образу-воспоминанию». Чудо узнавания является, собственно говоря, главным доказательством существования воспоминаний.

Итак, возвращаясь к фигуре конуса, мы можем сказать, что основание – это вся совокупность имеющихся в памяти воспоминаний, которые «всплывают» в актуальном сознании субъекта либо возвращаются к нему в результате усилий – в процессах припоминания и воспоминания. Сказав о том, что воспоминания «всплывают», мы тем самым вновь обозначили связь памяти и последнего мнемического процесса – забывания/забвения, потому что не только еще раз артикулировали координату вертикали (*глубокое забвение, глубины памяти*), но и апеллировали к концептуализации забвения как водного резервуара. Соединение памяти и забвения в этом ракурсе особенно интересно и значимо, потому что обычно память концептуализируется как твердая субстанция (ср. устойчивый оборот *Находясь в здравом уме и в твердой памяти*). А соотношение память-забвение, на самом деле, совсем не прямолинейно антонимичное. Забвение как стирание следов – тех самых образов-воспоминаний – это естественное завершение совокупности мнемических процессов. Но дело в том, что существует и совсем другая ситуация – мы вспоминаем то, о чем мы никогда не помнили и не запоминали. Это прекрасно показал Фрейд своим анализом бессознательного. В таком случае забвение (*глубокое забвение* в отличие от поверхностного, обратимого забвения), как и память, само становится резервуаром информации: «...это уже не забвение из-за стирания следов, а забвение, которое можно назвать резервом или ресурсом»¹⁵. Доступ к подобной информации может быть чрезвычайно затрудненным (о чем и свидетель-

¹⁴ Там же. С.596.

¹⁵ Там же. С.609.

ствуует психоанализ), в других же случаях речь идет об «иммемориальном» ресурсе, о том, «что никогда не было для меня событием и чего мы даже никогда по-настоящему не постигли, что скорее является не формальным, а онтологическим»¹⁶. Невольно приходят на ум поэтические строки:

*Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память* (М. Цветаева).

Спрашивается, что могут дети, *tabula rasa*, усмотреть в своей памяти? Ясно, что ничего, кроме памяти забвения – возможно, об основах, об истоках бытия. (Этот пример показывает также значение поэтического дискурса не только как сферы ненормированных реализаций языка, но и как сферы знания, рожденного прозрением, истинность которого «объективная» наука не может ни доказать, ни опровергнуть).

Рассмотрев детально мнемический цикл, мы можем сказать теперь, что основные мнемические процессы выделены в языке как концепты донаучного знания¹⁷ (неслучайно, кстати, философский дискурс о памяти нередко строится на толковании слов, входящих в словарь памяти). Глаголы памяти следуют событийной экспериенциальной схеме («*experiencing-schema*»), под которой понимается «*the mental processing of the contact of the world*»¹⁸. В этой схеме субъект выступает как «центр регистрации» этих контактов и выступает в «*the role of entity that has a mental experience*»¹⁹, а объект – в роли пациента, свободного от энергии воздействия. Лексическое выражение мнемических процессов специфично для разных языков. Так, в русском языке²⁰ использована техника приставочного словообразования: от глагола *помнить*, имеющего общую этимологию с *памятью*²¹ и называющего мнемический процесс «хранение информации», образованы многочисленные глаголы, называющие другие мне-

¹⁶ Там же. С.610.

¹⁷ Используется самое общее определение концепта: «*a person's idea of what something in the world is like*» (Rene Dirven and Marjolijn Verspoor. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia, 1987. P. 14.

¹⁸ Dirven and Verspoor. Op. cit. P. 86

¹⁹ Там же.

²⁰ О памяти в русском языке см.: Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 2001; Дмитровская М.А. Философия памяти // Там же; Туровский А.В. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Там же.; Брагина Н.Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики // Известия АН. Серия ЛиЯ, 2003. Том 62, № 5; Зализняк А.А. Концептуализация забвения по данным русского языка // www.ksu.ru/cogsci04/sod.php3. Обобщение представлений о памяти в когнитивистике дается в кн.: Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.

²¹ В Словаре Фасмера в статьях *память* и *мнить*, *мню* дается отсылка к одному и тому же индоевропейскому корню, называющему когнитивную способность мышления (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М, 1967. Том II; 1971. Том III.

мические процессы: *запомнить*, разг. *упомнать*, (процесс запоминания, «меморизации»), *вспомнить* (устар. *воспомнить*, прост. *вспомнать*), *поминать*, *напомнить*, *припомнить* (процесс воспроизводства информации). Особняком стоит лишь глагол «забыть», производный от глагола существования, концептуализирующий (с учетом значения приставки *за-*) субъекта данного мнемического процесса как находящегося в том месте, доступ к которому заслонен преградой (как писал М. Хайдеггер, определяя время, «отсутствие тоже всегда дает о себе знать как способ присутствия»²²). В системе языка лексемы, служащие названием мнемических процессов, подвергаются дальнейшей семантической и стилистической дифференциации (так в русском языке различаются *забывание* и *забвение*: *забвение* является стилистически возвышенным, поэтому Лета – это *река забвения*, но не **река забывания*).

Вопрос о субъекте мнемических процессов был предметом размышления Августина, Джона Локка, Гуссерля и др. Августин ввел представление о «внутреннем человеке» (*Ego sum, qui memini, ego animus*), Локк ввел триаду сознание – память – личное тождество (*sameness*), Гуссерль соединял интериорность, память и время. Вслед за аналитическим рассмотрением проблемы субъекта памяти в философском дискурсе П. Рикер считает возможным говорить о трех субъектах атрибуции памяти: «я» (индивидуальная память), «мы» (коллективная социальная, публичная память) и промежуточный тип – память близких людей, «где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим»²³.

Обращаясь к субъекту памяти в языке, следует отметить, во-первых, значение метонимической когнитивной схемы. Известно, что для запоминания существенны зрительный, слуховой, тактильный, моторный, запаховый коды²⁴. И в качестве субъекта индивидуальной памяти метонимически могут выступать названия органов восприятия: тело помнит прикосновение, ноги – движение, ухо – звуки, язык – вкус, ноздри – запах, руки – действие, умения (память-привычка). Поскольку *сердце* является «символом средоточия чувств, переживаний, настроений человека»²⁵, оно также способно метонимически называть субъекта памяти: *память сердца* – это память человека о его чувствах и переживаниях. В этом качестве *память сердца* противопоставляется *памяти рассудка*: *О, память сердца! Ты сильнее Рассудка памяти печальной* (К. Батюшков). Метонимическая модель распространяется и на субъекта коллективной, а также «семейной» памяти: названия стран городов и других поселений, названия различных человеческих сообществ указывают на тех людей, которым приписывается общая память: *Мир не забудет об ужасах войны. Страна помнит своих героев. Нью-Йорк не забудет 11 сентября. Семья пом-*

²² Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 401.

²³ Рикер П. Память, История, Забвение. С.184.

²⁴ Р.Л. Солсо отмечает: «Вкусовые, запаховые и тактильные коды также используются в ДВП (долговременной памяти – О.Р.), но они крайне мало исследованы» (Солсо Р.Л. Когнитивная психология. С. 194).

²⁵ Словарь русского языка. В четырех томах. Том IV. М., 1984.

нит о своих корнях. Преимущественно такие обозначения связываются с мнемическим процессом «хранение информации» (*помнить*). И стать хранителем информации могут не только одушевленные, но и неодушевленные объекты: *Горы помнят об обвалах, Река помнит о своих истоках, Дом помнит о своих жильцах.*

Центральным для философских интуиций о памяти явились вопросы о предметном характере памяти, о том, что вспоминают и о том, как вспоминают. Платон определил содержание памяти как «представление в настоящем отсутствующей вещи». От этого определения веером расходится целый ряд проблем, относящихся к объекту мнемических процессов. «Отсутствующая вещь» – это может быть человек (внешний облик, одежда, поведение, чувства, ощущения, эмоции, мысли), природные объекты и их признаки, календарные даты, устную речь, тексты и пр. (*Это лицо нельзя забыть; Он вспомнил, что оставил дверь незапертой; Он помнил, как они шли по аллее, как светились ее волосы в лучах вечернего заката; Старуха помнила все даты рождения своих институтских подруг*). В какой степени суждения памяти подвергаются проверке на истинность? Сам факт воспоминания о чем-либо (равно как и забывания) не может быть верифицирован (нельзя сказать *«Неверно, что он вспомнил, что он оставил дверь незапертой»»), здесь допустимо только опровержение субъекта памяти («Я все это придумал»). Однако содержание памяти может быть подтверждено другими свидетельствами, реальной ситуацией (*Он вспомнил, что оставил дверь незапертой – Дверь действительно, была не заперта*). Платоновское определение позволяет поставить память в один ряд с такими явлениями, как воображение (вымысел), сон, видение, изображения-артефакты (живопись, скульптура, фотография и пр.). Со времен Аристотеля память выделяют из этого ряда, исходя из того, что память связана с прошлым – «этом последнем референте акта воспоминания»²⁶. Сюда, очевидно, нельзя отнести знание, не зависящее от времени, то, что запоминается в точности и также воспроизводится. По отношению к такому знанию *помнить* означает *знать*. Мы помним и одновременно знаем спряжение и склонение, формулы математики, календарные даты, стихотворные или учебные тексты, разнообразные наборы практических действий и т.п. Однако если «прошлое» – то, что имело место, но что отсутствует в настоящем, такое прошлое по сути не отличается от того мира, который создается воображением. И в том, и в другом случае речь идет об ирреальном. «...Вопреки ловушкам, которые воображение устраивает памяти, можно утверждать, что специфическая потребность в истине предполагает нацеленность на прошлую «вещь», на *что-то* прежде виденное, слышанное, испытанное, познанное. Эта потребность в истине определяет память как когнитивную величину»²⁷. Различие в воспоминании-констатации и образном воспоминании отчасти отражается в конструкциях *помню, что...* и *помню, как...*²⁸ Воспоминание-образ легко совмещается с гла-

²⁶ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 78.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ В феноменологии различие между «вспоминать, как...» и «вспоминать, что...» связывается с памятью – привычкой («умения действовать») и памятью-воспоминанием «как событием жизни» (Рикер П. Память, История, Забве-

голами восприятия (прежде всего *видеть*), и обращение к тому же глаголу в случае воображения как раз и говорит о сходстве двух состояний сознания: *Ласкаю я в душе старинную мечту, Погибших лет святые звуки. И если как-нибудь на миг удастся мне Забыться, – памятью к недавней старине Лечу я вольной птицей; И вижу я себя ребенком, И кругом Родные все места: высокий барский дом И сад с разрушенной теплицей...* (М.Ю. Лермонтов).

В основе концептуализации памяти как когнитивной способности и реализации этой способности лежит онтологическая метафора – память предстает как автономная сущность (entity)²⁹. «...Стоит только отождествить части нашего опыта с объектами или веществами, появляется возможность сослаться на них, отнести их к определенным категориям, группировать и определять их количество – и тем самым размышлять о них»³⁰. В качестве автономной сущности *память* и *воспоминание* как бы отчуждаются от человека, вступают с ним в диалог, подвергаются персонификации: *память говорит, подсказывает, нашептывает, возвращает, дает силы, не отпускает, мучит* и т.д.; *О память! Ты одна беседуешь со мной..* (Е. Баратынский); *Воспоминанье слишком давит плечи, Я о земном заплачу и в раю* (М. Цветаева); *Но суций вздор, что я живу грустя, И что меня воспоминанье точит. Не часто я у памяти в гостях, Да и она меня всегда морочит* (А. Ахматова); *Друг, заклинаю свою же память!* (М. Цветаева); *Память, ты рукою великаниши Жизнь ведешь, как под уздцы коня* (Н. Гумилев). Дальнейшая персонификация памяти ведет к олицетворению – память обретает телесный облик человека: *И там, напрягая взор, / память бродит по комнатам в сумерках, точно вор, / шаря в шкафах, роняя на пол роман, / запуская руку к себе в карман* (И. Бродский).

Метонимическая характеристика памяти может быть связана с каналом восприятия, с качеством зрения: *четкая, ясная, туманная, смутная, темная* память (зрительный канал, признак освещенности). В поэтическом дискурсе дальнейшее использование метонимической модели позволяет атрибутировать памяти сам орган зрения: *Когда-нибудь, прелестное созданье, Я стану для тебя воспоминаньем. Там, в памяти твоей глубокой, Затерянным – так далеко-далеко* (М. Цветаева), либо, напротив, представить память как лишённую органов восприятия и тем самым как плохую память: *Грех памяти нашей – безглазой, беззубой, безмясой, безносой!* (М. Цветаева)³¹. В других случаях мето-

ние. С. 49). Однако память как привычка, «где прошлое, так сказать, примыкает к настоящему» (Там же. С. 48). Возможно здесь следует говорить о полисемии конструкций с глаголами памяти.

²⁹ Онтологическими метафорами, являются способы «восприятия событий, деятельности, эмоций, идей, как материальных сущностей и веществ» (Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 49).

³⁰ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры которыми мы живем. М., 2004. С. 48.

³¹ В этом примере *безглазая* память означает утрату зрительных ощущений, *беззубая* и *безмясая* память – отсутствие кожной и болевой чувствительности, *безносовая* – отсутствие чувствительности к запахам. Метонимия сочетается с персонификацией, представляя память как больного калеку (имеющийся вариант *безгласая* память акцентирует признак немоты).

ниями строится на свойствах объекта запоминания (речь идет чаще о человеке), о впечатлении, отношении, оценке того, что осталось в памяти: *недобрая, печальная, благодарная, нежная, страшная, ужасная* память. Можно сказать, что так концептуализируется «психический след, который можно назвать скорее впечатлением, чем отпечатком, понимая под этим чувство, оставленное в нас событием примечательным, или, как говорят, впечатляющим»³².

Концептуализация памяти осуществляется также с помощью структурных метафор, «когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого»³³. В принципе, обращение к метафоре как к средству объяснения механизмов памяти прослеживается в научном дискурсе начиная с античности. Знаменитая метафора о восковой дощечке объясняет не только память (сохранение отпечатка), но и забвение (стирание отпечатка, отсутствие места для новых отпечатков, «отсутствие соответствия между ныне существующим образом и отпечатком, подобным тому, что оставлен перстнем на воске»³⁴. Этой метафоре соответствуют употребления типа *В мозгу (в памяти) навсегда запечатлелось их последнее прощание, Черты ее лица постепенно стерлись из памяти*. Метафора о восковой дощечке акцентирует внимание на проблеме формирования «знака памяти», на характере соответствия между означающим и означаемым. В дискурсе о памяти можно выделить целую вереницу предлагавшихся в разное время авторских научных метафор памяти. Обращение к исторической коллекции этих метафор³⁵ убеждает в том, что в них акцент направлен не на механизм формирования воспоминания (как в метафоре дощечки), а на долговременную память, на способ существования того, что в ней содержится, и на ее аксиологическую ценность. Здесь на первое место выдвигается знаменитая метафора Августина, предложенная им в Книге X «Исповеди», – «огромные палаты памяти». Эту метафору детально разбирает П. Рикер, приводя дополняющую его рассуждения цитату из Августина: «Эта стержневая метафора получает подкрепление во стороны родственных образов: “вместилище”, “кладовая”, откуда извлекаются, “берутся, как из резервуара”, воспоминания <...>: «Все это память принимает для последующей, если потребуются, переработки и обдумывания в свои обширные кладовые и еще в какие-то укромные, неопишуемые уголки» (Исповедь, X, VIII, 13)»³⁶. Близкие к названной метафоры «дом» (Джеймс), «комнаты в доме» (Фрейд), приписывают памяти параметр пространства и исключают параметр времени. В когнитивной психологии представление памяти как «ящика в голове» и как хранилища поддерживает эту традицию. Аксиология памяти раскрывается в таких метафорах, как «сундук с барахлом», «кошелек» (Дж.А. Миллер), «мусорный бак» (Ландауэр). Но таков и основной способ метафорической концептуализации памяти в языке, так что можно сказать, что научное представление здесь прямо следует за языковым.

³² Рикер П. Память, История, Забвение. С. 576.

³³ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры которыми мы живем. С. 35.

³⁴ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 26.

³⁵ См. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. С. 149. Авторство метафор приводится по данному изданию.

³⁶ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 139.

Выделяются следующие метафорические концепты памяти:

Память – вместилище (контейнер) и *хранилище*: *хранить, сохранять, рыться в памяти, шарить в памяти; выбросить, выскочить, выпасть из памяти*. Данная схема позиционирует субъекта как активное лицо, в чьем владении находится некая герметическая емкость, содержанием которой субъект может распоряжаться по собственному усмотрению, однако недостаточный контроль со стороны «хозяина» может привести к нежелательным последствиям (*выскочить, выпасть, вылететь из памяти*).

Концептуализация памяти как вместилища реализуется во множестве вариантов в художественном дискурсе: *амбары, закрома, кладовая, подвал, подземелье, терема, храм, урна, гробница, склеп, кладбище памяти*. Эти варианты интересны своими дополнительными обертонами. В качестве термина памяти («область-источник») используются имена артефактов, то есть названия помещений, которые создаются человеком для целей жизни либо для целей смерти. Так, *амбары* и *закрома* соотносятся с *зернами воспоминаний*, то есть ассоциируются с ростом, урожаем, богатством, в то время как все «кладбищенские» метафоры однозначно связывают метафору со смертью и с низом в оппозиции «верх-низ». Сверх того, тема *терема памяти* у Анны Ахматовой возносит память вверх, а в *храме памяти* она сакрализуется.

В народном сознании память располагается в голове (ср. *пословицу Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце*), то есть сама заключена в хорошо защищенную емкость. Отсюда метонимически плохая память (что относит к мнемическому процессу сохранение информации) концептуализируется не только как *дырявая память*, но и *дырявая голова*, ср. также *У меня (у него) голова, что решето*³⁷. Представление памяти как дырявой емкости имеется обнаруживается и в авторской «научной метафоре» (*ведро с течью или сито* – Дж.А. Миллер).

В том случае, когда областью-источником для метафоры является открытое пространство, появляется метафорический концепт *память – место*.

В качестве термина памяти выступают имена рельефа (*пропасти, глубины памяти*), окультуренные формы пространства (*поля*, ср.: *Елисейские поля, дуг, сад воспоминаний, тропы, тропинки памяти, на перекрестьях памяти*), формы организации городского или сельского обитания (*закоулки, задворки, тупики памяти*). В метафоре *память – место* концептуализируется отчасти и представление о внутренней структуре памяти, причем она предстает и как регулярная, но чаще – как извилистая, запутанная (ср. также *лабиринты памяти*). Если сравнить данный концепт с авторскими научными метафорами вместилища, то в них также прослеживаются две возможности, но они представлены более четко: с одной стороны, метафорами памяти становятся «словарь», «библиотека», «каталожные карточки», по Фрейду – «мистическая записная книжка», и даже – «план метро», то есть четкая организация, а с другой – уже названный «мусорный бак» или «сундук с бараклом».

³⁷ Указанные пословицы приводятся В. Далем (Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2004).

В отличие от памяти *воспоминания*, как «дискретные формы с более или менее четкими границами»³⁸, допускают квантитативную характеристику (*масса воспоминаний, немногие, скупые воспоминания*). В метафорах получает отражение сходное воздействие памяти и воспоминаний на человека: *свет памяти, зарницы, звезда, лучи воспоминаний, лучи памяти, воспоминания-лампады, воспоминания-молнии; молоточек-память, молот, шарманка воспоминаний; память-резец, серп-память, память-плеть; груз, тяжесть воспоминаний*. В таких случаях возможна концептуализация памяти как вещества, как материала – в качестве области – источника выступают *вино, яд, мед, ткань (кисея), стекло: Вино прозрачной памяти, яд воспоминаний; О, мед воспоминаний!* (С. Есенин). В метафорах воспоминания передается семантика последовательности, постепенности: *Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток* (А. Пушкин).

Заключая вопрос о концептуализации памяти, следует подчеркнуть, что как на уровне нормы, так и на уровне отступлений от нормы прослеживаются одни и те же тенденции, а именно, в языковой концептуализации памяти активно участвуют персонификация, метонимия и метафора, и, во-вторых, сами эти операции осуществляются в сходном направлении. В сравнении с памятью забвение концептуализируется более единообразно – как пространство без (видимых) объектов, заполняющих это пространство. Идеальным в этом плане является концептуализация забвения как жидкости, которая по своим природным качествам не способна сколько-нибудь долго удерживать следы: *Лету, летейские воды, струи*, – в поэтическом дискурсе это могут также быть *хлябь, пучины, колодец, море, родник забвения*. Нельзя не привести замечательных строк И. Бродского, в которых четко различены забвение как процесс и забвение как результат: *Отлетай, отплывай самолетом молчанья – / в пространстве мгновенья, / кораблем забвения – в широкое море забвенья* (Бродский). Отметим, наконец, концептуализацию забвения как стирание и исчезновение следов через некий покров, который прикрывает эти следы: *снег забвения, ряска забвения, забвение-покрывало*; забвение как *зарастание мхом, хмелем, плющом, травой* (ср. название романа В. Катаева – «Трава забвения»). Очевидная сплетение забвения со смертью не требует специальных комментариев. Но и в забвении-смерти человека ждет новое знание – как написал об этом русский поэт Федор Сологуб: *Я холодной тропой одиноко иду, Я земное забыл и сокрытого жду...*

³⁸ Рикер П. Память, История, Забвение. С. 46.